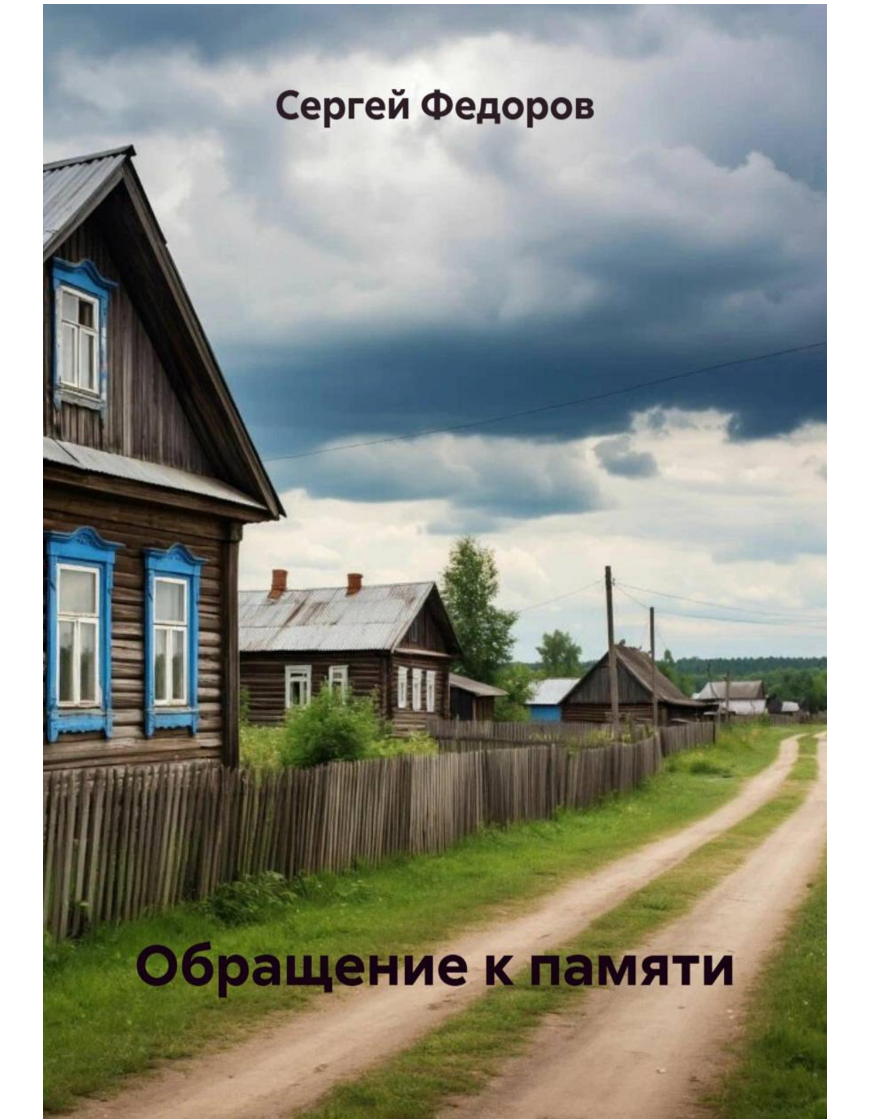

A photograph of a rural village scene. In the foreground on the left, a two-story wooden house with blue-painted window frames and shutters is partially visible. A rustic fence made of vertical wooden poles runs along a dirt road that curves into the distance. In the background, several other wooden houses with corrugated metal roofs are scattered across a green landscape under a heavy, dramatic sky with dark, swirling clouds.

Сергей Федоров

Обращение к памяти

Сергей Федоров

Обращение к памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73513628

SelfPub; 2026

Аннотация

Погружение в прошлое, в ароматное марево деревенского детства. Цикл рассказов, где простая, на первый взгляд, жизнь раскрывается всей своей глубиной: трудной, но одаривающей счастьем, порой суровой, но неизменно наполненной. Взгляд на себя сквозь призму утекающих лет, трогательное возвращение туда, где всё начиналось...

Содержание

Председатель.	4
Сенокос.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Федоров

Обращение к памяти

Председатель.

Июль для Степана Звонарёва, председателя колхоза «За мир», выдался знойно-тревожным, хотя зной и не собирался наступать. По календарю, в самом разгаре вторая декада месяца, но погода словно позабыв о лете, не думала налаживаться и упорно омрачалась холодом. Уже как с неделю, ежедневно, шли затяжные дожди, продолжая орошать излишне увлажнённую землю. В то время, как соседние районы страхнувшие пелену ненастья, приступили к уборке зерновых, его комбайнёры бесполезно простаивали и изнывали от безделья, с надеждой поглядывая на хмурое дождевое небо. Степану, собственно, не в чем было упрекнуть своих механизаторов: вся техника в полном порядке, люди – готовы, да и сам Степан всё прекрасно понимал, чего не мог сказать о вышестоящих райкомовских начальниках, чьи частые, досаждающие звонки безмерно испытывали его терпение. Как только затрещал телефон, Нюра, жена Степана, с тревогой прижала трубку к уху, а через секунду протянула её мужу, едва слышно прошептав: «Тебя...». Сквозь шипение и треск, суховатый голос хрипя проговорил из трубки: «Здравствуйте, Сте-

пан Демидович...».

Разговор затянулся на долго. Нюра – закалённая годами председательствования Степана, давно разучилась чему-либо удивляться, но волнения и заботы мужа – разделяла и понимала. Как и прежде, улавливая невидимым женским чутьём всю серьёзность и глубину положения, она, как обычно, невозмутимо накрыла стол к обеду, одним движением взгляда уgomонила разбушевавшегося в компании домашних кот-ов Вальку и, поглядывая на настенные часы, в ожидании присела. Прошёл час, а может, и больше... Наконец, с шумным выдохом Степан положил телефонную трубку и взглянул на жену.

– Ну, что у нас сегодня на обед, а, жена? Давай-ка накладывай, да в пору мне ехать надобно.

Нюра встрепелулась и казалось, ожила от своего внутреннего оцепенения, затем ловко, с привычной для хозяйки сноровкой подцепила ухватом из печи дымящийся чугунок, и наполнила мужнину тарелку горячим, душистым супом.

– Валька! – Степан окликнул сына. – Давай-ка, брат, сбегай до механических мастерских, найди Николая, да передай ему, чтобы через полчаса с машиной у дома был. Понял?

– Понял я, понял! – радостно вскрикнул Валька натягивая на босые ноги сапожки. Не успела Нюра опомниться, как мальчонка вылетел за дверь, захлопнув её с таким оглушительным треском, что казалось, разом зазвенели все стёкла в оконных рамах.

– Ма, а, ма – в окне неожиданно появилась белобрысая голова Вальки. – Можно, я после, в мастерских побуду? Там дядя Паша трактора заводить будет. Посмотреть хочется.

– Гуляй, но не долго и не изгваздайся как в прошлый раз! – строго ответила Нюра.

...Колька Лебедев, – после службы в армии, заочно учился по направлению от колхоза в Селижаровском районе на механизатора, и сейчас, временно управлял единственной легковой автомашиной – «УАЗ-450», получившей в народе ласковое прозвище: «буханка». Валька своевременно донёс до него распоряжение отца; не прошло и пятнадцати минут, как уазик мерно рокотал у ворот председательского дома. Звонарёв приобнял провожавшую его жену, затем, усаживаясь на переднее сиденье машины, лихо поправил накинутый наспех дождевик и, захлопнув дверь, распорядился: «К Григоровским, в поля...». Путь из Березниц в Григорово вёл преимущественно по расчищенной от мелколесья и кустарника полевой дороге. Раскисшая от дождей, изъеденная колеями от тракторов, комбайнов и деревенских повозок, она больше напоминала не дорогу, а лишь направление. Машина с рёвом вползала на скользкий суглинистый пригорок, с вершины которого уже открывался вид на приземистые, словно выросшие в землю, крыши григоровских изб, ферму и пшеничное поле раскинувшееся бескрайним золотистым полотном в низине.

– Коля, давай сразу к клубу подъезжай – распорядился

председатель.

– В поле не едем, Степан Демидович?

– После, – задумчиво протянул Степан. – Для начала с механизаторами встретимся, поговорим... Сообща подумаем, как быть, как поступить.

Николай одобряюще кивнул головой, ловко переключил рычаг коробки передач и вжал педаль газа в пол. Уазик в ответ чихнул синеватым дымком и не сбавляя хода ворвался в деревню, оставив позади ошалевших от такой невиданной наглости собак...

– Ой, ли! Да не уж-то сам Николаша к нам в гости пожаловал! – воскликнула молоденькая девушка, первой приметившая подъехавшую к клубу машину.

– Ты, Тая, чего такая весёлая и красивая сегодня? Аль, радость какая тебе случилась? – приоткрыв дверь кабины, спросил Николай.

– А у меня к тебе завсегда радость Коленька, – звонко отозвалась Тая, и тут же смутилась заметив председателя, ставшего невольным свидетелем их беседы.

– Вы... Уж простите, Степан Демидович, не признала вас! – пробормотала краснея девушка.

– Да что там, Таечка, неужто так изменился? Или, может, так редко на ферму заезжаю, что доярки позабыли как начальство выглядит? – тут Степан неожиданно для самого себя рассмеялся, и его смех, добрый и заразительный, раскатился по всему клубному двору. Тая от такого смеха смути-

лась ещё больше, и всё чаще, украдкой, поглядывала на Колю.

Жизнь в деревне сильно отличалась от городской жизни. Хотя бы тем, что жизнь каждого колхозника, проходила в большей мере у всех на виду, пусть и не всецело. Звонарёв не только был наслышан, но и сам прекрасно знал об искренних отношениях Таи и Николая. Бывало, Коля, в силу своих молодых лет, нет-нет, да и заведёт доверительный разговор об этой милой, к тому же, очень трудолюбивой красавице. Степан не осуждал, напротив, с уважением и пониманием проникся к робкому, порой, нерешительному влюблённому, и даже, всячески его поддерживал.

– А знаешь, Таечка, – обратился председатель к девушке, – хватит тебе стрекозой порхать, пора и честь знать. Вот жатву закончим, жди-ка, милая, гостей. Лично приеду, за Николая сватать... И, будто не замечая застывшего на лицах ребят изумления, председатель резко развернулся и быстро вошёл в клуб.

Труженики деревень крепко уважали своего председателя. Люди знали: на общем колхозном собрании виновных искать не станут, а вот решения принятые сообща – исполнять будут все. Однако, рабочие руки от дела не отвлекали: участвовали только бригадиры, старшие участков и инженер-механик – все остальные оставались на своих рабочих местах. Войдя в деревенский клуб, где к назначенному времени уже должны были собраться вызванные колхозники, Степан при-

вычно окинул взглядом и поприветствовал собравшихся.

– Все в сборе? Так, отлично. А где наш механик? Где Суханов? – пронзающий зависшую в зале тишину голос Звонарёва неожиданно стал суровым.

– Ах, Степан Демидович, видать, снова наш Андрюша занемог, – прервав неловкое молчание весело вскрикнула Нинка Винокуриха, – деревенская староста и главная телятница колхозной фермы.

– Давно? – председатель устремил взгляд на Винокуриху/

– Что давно?

– Я спрашиваю, давно занемог?

– А-аааа, – улыбаясь, многозначительно затянула Нинка, – так, почитай, как женился, так сразу и занемог...

Собрание разразилось залиvistым смехом, волной прокатывающимся по рядам. Звонарёв кивнул головой Кольке, стоящему неподалёку с Таей и тот, словно прочитав мысли председателя, всё понял: «Один момент Степан Демидович, один момент. Мигом доставлю!»

...Долго и бурно проходило собрание, под завязку набитое множеством насущных вопросов требующих неотложного вмешательства и решения. Немало дел завершили. Но главная битва – битва за урожай под натиском ветреной и дождливой погоды – всё ещё оставалась не выигранной. Все понимали: затяжные дожди затрудняют обмолот, сепарацию и очистку зерносоломистой массы. Но куда страшнее оказалось состояние почвы – после обильных осадков уборочные

комбайны могли остановиться и увязнуть в раскисшей земле. Наконец, Колька привёз инженера, а вместе с ним старого, но опытного агронома Тимонина. По пути Николай кратко обрисовал им ситуацию, вводя в курс дела. Андрей Суханов незамедлительно обозначил председателю, что ему необходимо выполнить безотлагательно, и срок был установлен чёткий и предельный – одни сутки, учитывая положительный прогноз погоды в районе.

– Только вот, – инженер с надеждой взглянул на председателя, – выдержат ли люди? Расстояние большое, времени на проход много потребуется. И потом, с малой скоростью... На проходе комбайн не остановишь, тем более жатка под самый корень стебля встанет... Не «положим» ли, пшеницу, председатель? Андрей замолчал растерянно пожимая плечами.

Тут не выдержал старик Тимонин: – Да как так, не сдюжат? Сдюжат! Он, у нас в сорок втором как было: тех, которые не сдюжили, так под самый зад как шмальнули из пулемёту, так сразу все сдюжили. А нынче на дворах и год-то не сорок второй...

– И пулемёту нету! – прервал старика чей-то язвительный возглас из зала.

– И то правда, нету! Дак, только тады, скажи-ка мне, мил человек, где ж вы такое видывали, чтобы крестьянин труд свой, хлеб свой в землю втаптывал и гноил?! – старик почти перешёл на крик: – Не бывать тому! Не было и не будет такого! Молодых на комбайн в подмен сажай! Вот тады и погля-

дим, не мелковат ли нынче крестьянин, да чего он стоит?! Урожай-то, не только, поди, от божией милости даётся...

Звонарёв молчал, слушая внимательно и напряжённо. Затем, вскинув голову, оглядел притихших земляков и хлёстко, решительно произнёс: «Срок – сутки. Молодёжь на комбайн – под мою личную ответственность».

Собрание завершилось ближе к полуночи. Колхозники, словно тени, неспешно расходились по домам. Степан, насколько это было возможно в машине, устроился поудобнее, прислонился плечом к боковой двери и не отрываясь смотрел, как на крыльце под навесом Колька прощался с Таей. В этот миг и ему, внезапно припомнилось очень давнее, знакомое сердцу воспоминание...

– Всё, Степан Демидович, приехали. И супруга ваша, видеть не спит, ждёт. – Николай аккуратно потряс за плечи дремлющего председателя.

– Крепко заснул я, да, Коля?– вытягиваясь и пытаясь прийти в себя задал вопрос Звонарёв.

– Да не то, что бы крепко, так, лёгонько. – Улыбался в ответ Николай.

– Значит так, Коля, слушай приказ: «Утром подойдёшь в правление, передашь секретарю, чтобы по месту твоей учёбы открепление временное подготовила и выслала. Затем убываешь в Григорово. Прикрепляешься к Паше Сироткину, его сменным напарником на «Колос» сядешь. Практику прямо во время жатвы пройдёшь, за удостоверением позже в Сели-

жарово съездишь, рекомендации я тебе дам. Остальное – уже на месте, в поле разберётесь». Председатель глубоко вдохнул и, выходя из машины, продолжил, заговорщицки улыбаясь: – Смотри мне, не подведи! Иначе тебе одному перед родителями Таи кланяясь лбом об полы стучать!

– Степан Демидович, а как же вы без машины то?

– Да коня себе у Нюрки выпишу. Временно! Чай, жена не забыла ещё, как лошадь запрягать, да вожжами управлять...

Степан входил, стараясь не шуметь. Время перевалило глубоко за полночь, но ещё в сених он заметил узкую полосу света, пробивающуюся в приоткрытую дверь. Нюра не спала. Она сидела на полатах, возле прикрытого занавесью окна, и вязала, ожидая мужа. Валька мирно посапывал на своей лежанке, укрытый лёгким одеяльцем; коты, лениво зевая, бросали снисходительные взгляды на вернувшегося в столь поздний час хозяина. У двери Степан скинул промокшие за день кирзовые сапоги, а после, устало сел, вытянув к печи ноги. Отложив вязание, Нюра поднялась и, накинув на плечи лёгкую шаль, подошла к мужу. Молча, лишь кротко взглянув на него, присела рядом. Затем, склонив голову, заботливо обняла его. Сон окутывал Степана, но в объятиях любимой женщины он ощущал, как нежность и тепло её прикосновений стирают следы накопившейся дневной усталости, а внутри, бурлящими потоками разливается простое человеческое счастье...

У председателя полноценный выходной день – единичный за год случай. Едва проснувшись на рассвете, Степан решил первую половину дня посвятить домашним заботам. Валька, непоседливый и суетливый, уже был в своей стихии – резвясь с мальчишками на сырых деревенских дорогах. Нюра, по обыкновению, хозяйничала на кухне и прибиралась, оберегая домашний уют. На столе, заботливо укрытом цветастой скатертью, в молчаливом ожидании стоял завтрак: ломоть румяного ржаного хлеба, полный стакан свежего парного молока, два яйца, сваренных «вкрутую», и пучок зелени со свежими, хрустящими овощами. Степан поднялся, ополоснул лицо холодной водой, заранее подготовленной женой, и присел к столу. Через некоторое время к нему присоединилась Нюра. Её присутствие рядом вносило в утреннюю тишину совершенно новые, живые ноты. Каждый жест был исполнен заботы и внимания, каждый взгляд – безграничной сердечности. Когда Нюра говорила, её голос, мягкий и мелодичный, заполнял все уголки родного деревенского дома. После завтрака, выйдя во двор, Степан слышал нарастающий гул моторов. Из-за поворота, со стороны базы ремонтно-технического обеспечения, медленно, друг за другом, неуклюже выворачивали в направлении Григорово комбайны. А следом за ними, раскачиваясь на ухабах и колеях, потянулась вереница грузовиков. Председатель вскинул голову к небу: сквозь редяющие дождевые облака, разносимые порывистым ветром, пробивалось долгожданное солнце.

– Да слава Богу! – выдохнула Нюра стоя за спиной мужа и так же устремив взгляд вверх. – Теперь полегче мужикам будет, полегче...

Степан, не оборачиваясь, тихо ответил: – Доживём – увидим. Я сейчас дров наколю, Валька как заявится, пускай в поленницу у бани сложит. А пока коня запрягай, после, как справлюсь, на ферму съездить надо. Со мной поедешь?

– Дома буду. Да и тряско мне с недавних пор на телеге по ухабам разъезжать – широко и загадочно улыбаясь, проговорила Нюра.

– Давно ли? – Степан, не унимаясь, подзадоривал жену.

– Ох, ну что за мужики нынче? Вроде не глупые, а всё одно – непонятливые! – весело хихикнула Нюра. – Месяца два, а то и поболее, как не могу!

Последние произнесённые слова Степан едва расслышал, но большого значения им не придавал. Раскалывая берёзовые чушки увесистым колуном и откидывая в сторону готовые дрова, председатель мысленно погружался в колхозные вопросы. Нюра тем временем вывела и ловко запрягла в телегу «Мальчика» – норовистого молодого коня донской породы. Несмотря на своеобразный гонор, дончак всё же признавал авторитет своей хозяйки, при случае щедро одаривающей его сахарком.

– А ну, девоньки, веселей, веселей давай! – пронёсся по ферме громогласный окрик Винокурихи. – Председатель подъезжает уже, а вы? Ну-ка, Тайка, космы подвяжи свои,

о-на, распустила, как перед брачной ночью! Рано ещё тебе! Зинка, давай сюды. Вёдра убрать! Лопаты где должны быть? Ай, бабы, подраслабились вы... Аппараты доильные проверили, прибрали?

– Да всё в порядке, тётъ Нин, – подвязывая густые, выющиеся волосы, успокаивала телятницу Тая.

– Ну, глядите мне, бабы, ой, глядите! – грозно продолжала Винокуриха, неоднозначно помахивая дояркам сухоньким кулачком.

Председатель входил на ферму в сопровождении Тимофеича. Тракторист-пенсионер, единственный, кто мог мало-мальски оказывать помощь дояркам, поскольку остальные мужики были задействованы в поле. Своим Звонарёв доверял, но установленный порядок, как говорится, есть порядок, и он требовал соблюдения.

– Доброго вам здоровьица, Степан Демидович! Долго же мы вас ожидали, долго! Молочка парного не желаете? – Нинка не дожидаясь ответа протянула председателю добротную кружку, до краёв наполненную душистым молоком.

– Как дела, бабоньки? Справляетесь? – Степан отхлебнул тягучего молока и передал кружку Тимофеичу. – Добротное молоко, жирное. На молзавод вовремя отправляете?

– Вовремя всё тут, – отчитался Тимофеич. – Правда, Васька, стервец... водитель молочки... всё торопыжит, неполно цистерну заливает с вечерней дойки. Ну, с этим, я и сам разберусь!

– Что же это вы, Степан Демидович, в этот раз Нюрочку, красавицу свою, с собой не взяли и до нас не привезли? – ворчливо вопрошала ветврач Зинаида, сложив руки на крутых бёдрах.

– Да ты что, Зинка! Не знаешь чтоль? Председатель-то наш, мужиииик! – тут Нинка сложила ладони в кулаки, и согнув в локтях руки коротко ими тряхнула. Затем, задорно продолжила: – Ладно глаз наш, – бабий, он от природы своей всё видит, а вот куда Степан Демидович глядит, не понимаю... Видать, Нюрочка, душа наша, ещё ему не доложи-лась!

Степан молча улыбнулся, но отвечать на это не стал. Ему вдруг припомнились слова Нюры, произнесённые утром, суть которых стала проявляться всё яснее: «Ох, ну что за мужики нынче? Вроде не глупые, а всё одно – непонятливые... Месяца два, а то и поболее, как не могу...».

Пробыв на ферме ещё около часа в кругу ветеринара и доярок, убедившись, что всё в полном порядке, Звонарёв снарядился в обратный путь. Опустив поводья, Степан раскинулся в телеге на свежем, высланном Тимофеичем сене. За деревней на взгорке, Степан приструнил коня и на протяжении нескольких часов наблюдал, как медленно, будто улитки, ползут по пшеничному полю комбайны, как к ним, словно пчёлы-труженики, подлетают грохоча нарощенными в мастерских бортами грузовики, и как неумолимо исчезает золотистый простор несжатой пшеницы. «Только бы выдер-

жали мужики. Только бы не подвели, не запилили...» — молниеносно пронеслось в голове председателя... В Березниках Степана заждались. Сын загодя распахнул ворота, чтобы отец не задерживался с подводой во дворе, а Нюра, справив ужин и накрыв на стол, ожидала мужа на крыльце: в туфельках молочного оттенка с ремешками, светлом ситцевом платье в ромашках, чуть больше её обычного размера и накинутом на плечи шёлковым платком с рисунком полевых цветов. Даже Валька, привыкший к скромному одеянию матери, подметил, что она — «сегодня вся в цвету, какая-то непривычная и загадочная, сказочная что-ли».

Смеркалось. Председатель, подстёгивая коня, спешно въезжал во двор. Последние лучи заходящего солнца, прощаясь, скользнули по рыжей конской спине и растворились за горизонтом. Валька, заметив отца, тут же выскочил из придворка, подхватил вожжи и накинул их на изгородь.

— Я, Валька, коня распрягу, а ты ему воды дай напиться. Только смотри, остуди сначала, сразу разгорячённого не пои.

— Знаю, бать, не в первой, — задорно отвечал Валька, — ты давай в дом проходи, а то мамка тебя совсем заждалась. У ней, бать, похоже, радость приключилась. Странная с утра ходит. О чём не спрошу, всё невпопад отвечает. Ты бы разузнал у ней, а, бать!

— Давай, брат, вместе спросим, за спрос, поди, нас не накажет! — рассмеялся Степан.

Так они смеясь и подталкивая друг друга поднимались на

крыльцо. Нюра ожидала их, её лицо внешне казалось спокойным, но руки предательски дрожали от внезапно нахлынувшего волнения.

– Что ж, мужчины дорогие, прошу всех в дом да к столу – скрывая дрожь проговорила Нюра.

– Ух, какая у нас мамка сегодня красивая! Валька, красивая же? – Степан мягко подтолкнул сынишку в бок. Вместо ответа Валька ловко юркнул между родителями и исчез в сенях. Нюра с мужем следом прошли в дом, но что-то удерживало её от начала разговора. Нет, это был не страх; скорее – иное чувство, приятное, волнующее и одновременно сковывающее. Степан очень хорошо знал жену, и, ощущая её трепет, решил заговорить первым, прежде чем она озвучит нечто важное.

– Еду, я значит, на ферму, – Степан бросил взгляд на прожёвывающего кусок рыбного пирога Вальку. – Еду, и вдруг...

– Радость у нас к весне случится! – Нюра, прервав рассказ, от волнения всколыхнулась. – Трое нас в скором времени будет! У тебя, Валечка, сестричка родится!

– А я-то думаю, о чём эта сорока на ферме мне в ухо трещала. – Степан расхохотался так, что Валька невольно и сам разразился заливистым смехом, ещё не до конца осознавая, что произошло в доме.

– Сороку, случаем, не Винокурихой кличут? – Нюра улыбалась сквозь слёзы.

– Винокурихой, Винокурихой, – еле выговорил Степан не

умолкая. — Только, вот незадача, ей откуда известно стало?

— Фельдшерица, вот откуда. Что поделатъ, бабы деревенские такие: в Березницах чихнёшь — в Григорово здравия желают, а в Соболинах, так только что не схоронят...

Так и просидели они до самой полуночи, предаваясь дружному смеху и разговорам в домашней атмосфере тепла и уюта...

Колхозные будни наполняли дни привычными делами и заботами. Надо отдать должное, мужики не подвели Звонарёва: жатву комбайнёры завершили в срок и с минимальными потерями. Однако, заготовительные и уборочные работы в полях продолжались. Лето клонилось к закату, неумолимо приближая осень. Валька, отдохнувший за каникулы, изрядно дал в рост, что добавило матери хлопот с поиском школьного костюма нужного размера. Нюра же, при округлившись, на удивление многим деревенским женщинам оставалась стройной и румяной. Председатель слово своё сдержал. Как только механизаторы отрапортовали о завершении страды, Звонарёв, не мешкая, вместе с Николаем отправился с поклоном к родителям Таи. Какие уж доводы приводил председатель в отношении Николая, история умалчивает, но спустя три часа, молодые получили заветное родительское благословение. По устоявшейся традиции, завершение сезона праздновали в Григорове. Деревенский клуб гостеприимно распахивал свои двери не только для местных жителей, но и для колхозников из Березниц и Соболин. Столы ломи-

лись от угощений, приготовленных сообща: здесь были и румяные пироги, и свежие овощи, и всевозможные разносолы. И, конечно же, ни один праздник не обходился без крепкого самогона и хмельного пива, сваренного по старинным, передаваемых от поколения к поколению рецептам. А разве можно представить деревенский праздник без удалого гармониста? Старик Тимонин, и его верная спутница – гармонь, – неизменно сопровождали гуляния, наполняя их задорными песнями и плясками. Обычно Звонарёв колхозникам праздновать не мешал, но и чрезмерное потребление самогона не поощрял. Сегодня же ситуация была иной: повод для торжества был всеобщим и неоспоримо заслуженным. Степан появился в клубе, едва завершилось районное совещание. В зале повсюду царило веселье: звучала гармонь, мужики покуривали сигарки, а бабы, то и дело пускались в пляс под тимонинскую гармонь. Уловив недоумевающие взгляды Зинаиды и Нинки, Степан опередил их:

– Дома, душа ваша, Нюрочка, с утра выезжал тяжело ей было, Валька за ней приглядывает. Я только из района, захватить не успел.

Зинаида с грустью вздохнула, глядя на Винокуриху.

– Стало быть, без подруженьки в этот случай будем, а, председатель?

Степан сконфужено махнул рукой. Погружённый в свои мысли он даже не заметил, как Тая, склонилась к Николаю, что-то нашептывая ему, а после, они оба исчезли из зала.

– Эй, гармонист, давай, заводи свою гармонию! Да так играй, чтобы душа наша бабская над всей землёй на радостях пролетела! – зычно прокричала Винокуриха, и едва зазвучала музыка, пустилась в пляс.

Музыка оборвалась так же внезапно, как и началась. Степан обернулся и увидел Нюру, которую заботливо поддерживала под руки Тая. Мужики одобряюще закивали головой, а бабы, тышкали их в бока, заставляя тушить папиросы, чадающие прогорклым и терпким дымом.

– Что же ты не играешь, гармонист? – с улыбкой воскликнула Нюра. – Ну-ка, девоньки, да под нашу!

И тут же застучали каблучки по деревянному полу, отбивая такт. Степану казалось, будто не Нюра это, а лёгкое облако проплывает над цветущими лугами. И радостно было всем. И каждый верил, что впереди их ждёт долгая и счастливая жизнь...

Сенокос.

Природа пробуждалась после ночного забытья: в молодых берёзовых рощицах весело заливались пением соловьи, радостно носились друг за другом в поднебесье юркие жаворонки, в благоухающих медовых коврах сотканных из диких цветов и густых трав, гудели труженики-пчёлы. Над яровыми пшеничными полями неспешно вздымалось июньское солнце, озаряя их нежным, золотистым светом; вдали за перелеском, тихим отголоском деревенской жизни раздавались ритмичные пощёлкивания пастушьего кнута и, отзывалось ему, сонное мычание колхозного стада, выгоняемого с фермы на утреннюю пастьбу. Лето уверенно и широко распахивало двери, вновь впуская в земной, многоцветный мир, своё знойное дыхание...

В дверь постучали. Я, протирая от ранней побудки глаза, недоумевающе взглянул на деда. Дед нехотя поднялся и, ворча, надев на босые ноги сапоги, пошёл открывать неожиданно гостю дверь. В избу, словно прячась за широкой спиной хозяина, вошёл Валька Лебедев. Приземистый, коренастый, он, тем не менее, обладал необычайной силой и трудолюбием. Валька слыл чуть ли не первым в колхозе трактористом. Да и как иначе, коль отец его – Николай, пахарь, лет с пяти уже брал Вальку с собой в поля и обучал всем премудростям механизаторского ремесла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.